

Герои
Великой Отечественной

Фронтовые мемуары
Победителей

Василий Брюхов

**ПРАВДА
ТАНКОВОГО
АСА**

**«БРОНЕБОЙНЫМ,
ОГОНЬ!»**

МОСКВА

«ЯУЗА»

2015

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б89

Дизайн переплета *Юрия Щербакова*

Брюхов, Василий Павлович.

Б89 Правда танкового аса. «Бронебойным, огонь!» / Василий Брюхов. — Москва : Яуза : Эксмо, 2015. — 384 с. — (Герои Великой Отечественной. Фронтовые мемуары Победителей).

ISBN 978-5-699-82208-9

Автор этой книги принял боевое крещение в 1941 году под Москвой, будучи добровольцем лыжного батальона, однако его командирский талант в полной мере раскрылся в танковых войсках — за два года Василий Брюхов прошел путь от командира танкового взвода до комбата и от Курска до Австрии, сменив девять подбитых «тридцатьчетверок» и уничтожив более 30 вражеских танков. Обо всем увиденном и пережитом, о победах и потерях, о том, как становятся танковыми асами и каково это — жечь немецкие «Пантеры» и «Тигры» и самому гореть в подбитом Т-34, он предельно откровенно рассказал в своей книге.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-82208-9

© Брюхов В., 2015
© ООО «Издательство «Яуза», 2015
© ООО «Издательство «Эксмо», 2015

ДЕТСТВО

Я родился 9 января 1924 года в г. Оса Пермской области, на Советской улице. Дом, в котором потом прошло мое детство, так там и стоит. Помню, как сестра ведет меня за руку по колее, наезженной телегами. Мы поднимаемся по ступенькам в дом, а там плотники еще не закончили отделявать последнюю комнату. Стружки здоровые лежат, — я их гонял, а они так тихо шуршали...

Отец рассчитывал, что семья будет большая, и дом строил соответствующий — хоть одноэтажный, но просторный, с глубоким подвалом для хранения солений и картошки. Дом был разделен на большую гостиную, в которой стояли стол и стулья, маленькую комнатку, где спал отец, прихожую и кухню. На кухне была кухонная печь с площадкой, где спали маленькие дети, и полатями. Там мы все спали и веселились, и самое главное — ни мать, ни отец нас ни в чем не останавливали, не ругали, что мы шумим.

В то время это была окраина — наш дом стоял вторым от края, а дальше, за жердевым забором, начинались поля и дорога на деревню Мазунино. В городе жило тогда примерно 28 000 человек. Это сейчас Оса районный город, а раньше это был провинциальный уездный купеческий городок. Расположился он в междуречье Тулвы и красавицы Камы. Сам город, стоявший на абсолютно ровном месте, прорезала река Осинка. Речушка была неглубокая, но с омутами. Здесь мы учились плавать, привыкали к самостоятельности, а чуть повзрослев, шли на Каму и Тулву. На Каме был прекрасный, обширный песчаный пляж с чистым и крупным речным песком. К реке примыкали просторные пойменные луга, поросшие пышной травой, буйным кустарником и отдельными могучими де-

ревьями. Здесь горожане пасли скот, заготавливали на зиму корма, здесь же и отдыхали. В моей памяти остались светлые воспоминания об этом райском уголке, так быстро исчезнувшем под слоем воды после создания Камского водохранилища.

Все лето мы пропадали на реке — семья большая, кормиться летом вообще нечем, кроме картошки, свеклы и моркови. В основном мать делала окрошку: старая квашеная капуста, вареная картошка, несколько яиц и несколько ложек сметаны. А на реке было много рыбы. Мы бредожками всяко за час ведро наловим — и самим поесть, и домой принести.

Город утопал в зелени. У каждого дома в палисаднике росли цветы, был и огород — 20—30 соток земли под картошку и овощи. В центре улицы были вымощены булыжником, остальные же были немощеные. Дома в основном были деревянными. Только в центре города стояли каменные — несколько жилых домов, в которых до революции жили богатые купцы, каменными были также магазины, рынок, тюрьма и клуб. Помню, что в клубе стояли два шикарных бильярдных стола, и в бильярд играли только на деньги. Отец здорово играл и за одну ночь мог выиграть зарплату, которую целый месяц выколачивал в кузнице молотком. Он меня все таскал с собой, хотя мать сильно ругалась: пытался учить, но бильярдиста из меня не получилось. В этом же клубе был зал для заседания уездной думы, мест на триста, и уже при советской власти там зимой часто ставили постановки. Очень красивый зеленый бульвар уходил от клуба в сторону Камы, к пристани. Там стоял летний театр, даже приезжали знаменитые артисты цирка со всеми своими приспособлениями и воздушные акробаты. Приезжал и КИО¹ со своими фокусами, которые мы никак не могли разгадать.

В городе было три церкви. Две разрушили: я помню, как сбрасывали колокола, они падали и разбивались, а

¹ Эмиль Теодорович Гиршфельд-Ренард, использовавший в те годы псевдоним КИО (не Кио). (Прим. ред.)

мы, ребяташки, визжали от восторга. Одну церковь, которая находилась рядом с кладбищем, сохранили. Удивительно, но эта церковь работала и до войны, и всю войну. Особенно она стала популярна после войны, когда служить в ней приехал дьякон: красивый мужчина лет 28—30, капитан-летчик. Его сбили, и он попал на территорию противника, где каким-то чудом спасся. И вот он уверовал, что есть Бог, и дал себе слово: как только спасется, то сразу пойдет в церковь. Его подобрала партизаны. Еще война не закончилась, когда он был демобилизован по ранению. Народ повалил, и даже не столько на службу, а чтобы на него посмотреть, его послушать. Пацаном я в церковь тоже ходил. Особенно любили мы причастие — давали сладкий кагор. Вот раза три-четыре подойдешь, а потом тебя приметят: «Ах, оголец!» Поп шлепка даст и выгонит...

Отец был совсем не набожный, в религию не вникал. А вот мать стала набожной во время войны: молилась, чтобы дети остались живы. Нас трое было на фронте: брат, я и сестра. И вот мама все молилась, и потом, когда закончилась война, и мы трое пришли домой, она говорит: «Я за вас очень молилась, и вы остались живы». Я ей говорю: «Мама, за всех же молились, но не все остались живы?» — но разубедить ее я уже не мог. Говорит: «Я лучше молилась». Когда уже закончилась война, мать в церковь редко ходила, некогда было. Ведь ей было уже за 40, когда она последнего родила, в 1942 году. Помню, что, когда я узнал, что у родителей еще одна дочь родилась, я такое грозное письмо написал матери! «Что же вы нищету разводите, что ж вам не хватило той нищеты, которую мы перенесли?» Я страшно не хотел, чтобы много детей было, потому что тяжело жить, когда много детей. Каждому надо было что-то покупать, каждого кормить, каждого надо воспитывать. И вот я даже такую глупость сделал, что всю войну писал письма, и никогда маленькой сестре не передавал ни приветов, ни ответов, она для меня как умерла! Я так матери и написал, что для меня она не существует... Конечно, я мать обидел. А когда приехал с войны,

гляжу, такая шустренькая девчушка бегает. И так она мне понравилась! Тоже боевая, шустрая, как мама!

Единственная дорога, которая соединяла нас со страной, — это Кама. Летом жизнь была ключом, люди ездили в Пермь, в другие прибрежные города, а зимой всякое движение прекращалось, городок как бы засыпал под снегом. Зима начиналась в конце сентября, всю зиму были устойчивые морозы от $-20-30$ и до -45 градусов, которые стояли до апреля. Даже в мае можно было утром кататься на коньках по замерзшим за ночь лужам, а на лыжах мы катались до самого апреля. Лыжи делали сами, а вместо креплений использовали кожаный ремень. Бегал я великолепно — даже взрослые мне уступали! Когда я стал чемпионом района¹, мне дали хорошие лыжи с креплениями. Тут уж мне вообще не стало равных. Катались мы на Пугачевских горах, недалеко от города. Как мы утром уходим, только к вечеру еле ноги приносим. Придешь, чуть капусты поешь, заваливаешься спать — и спишь мертвым сном.

Мой отец был двадцать вторым ребенком в семье — девять двоен бабка принесла и четыре раза рожала по одному ребенку. Рос он крепким, здоровым, очень сильным парнем, но образования получил всего 4 класса. Его отец, мой дед, умер, когда ему было 10 лет, а мать умерла пятью годами ранее. На воспитание отца взяла сестра. В одиннадцать лет он пошел работать молотобойцем в кузнице мужа сестры Вихорева, а в 1912 году ушел в армию. Отвоевал империалистическую войну, Гражданскую войну: был у Колчака, потом перешел в Красную Армию и воевал уже против Колчака в армии Блюхера. В одном из боев отец получил множественное ранение осколками ручной гранаты. Осколки были мелкие, но все лицо и грудь были изранены. Его отвезли в госпиталь, после которого он вернулся домой.

Отец любил, когда мы, пацаны, и особенно малыши, его облепляли. Я помню, в воскресенье после обеда он разва-

¹ Осинского района Пермской области. (Прим. ред.)

лится и, как медведь, с нами возится, переворачивается. У него осколки были кругом, мы находим и выколупываем — то из уха, то из груди. Конечно, это больно, но он молчит, терпит. Мы думали, что хорошее дело делаем...

Он был очень опытным кузнецом. Рядом с домом стояла деревянная сельская кузница, где отец работал с раннего утра до позднего вечера. В середине тридцатых ее снесли, и отец работал в кузнице, которая принадлежала подсобному хозяйству горсовета. Три кузницы были рядом — но все ехали к нему, он большой мастер был. Знали, что он лошадь никогда не закует, что если надо телегу оковать, то он все сделает добротнo и вовремя. Когда машины начали появляться, он даже кое-когда запчасти для них выковывал. Еще он делал очень красивые витые заборы. И потом добрый был, много просто так отдавал. Кочергу или какой-то топор — «Ладно, забирай». Мать его потом пилит: «Где топор?» — «Отдал. Сделаю, сделаю, не шуми». Большим хлебосолом был! А какой у него был голос! В армии он был ротным запевалой. После того как вышел из госпиталя, его даже приезжали слушать из Пермского оперного театра, предлагали ехать учиться в Москву, но он отказался, — ему было тогда 28 лет, и он сказал: «Уже поздно». Слишком уж долго, восемь лет, он прослужил солдатом в армии, устал и захотел домой. Но сколько я помню, до самой смерти отец все время пел или что-то мурлыкал себе под нос. Помню, зимой идет из гостей выпивши, поет... Когда он вышел на пенсию, то записался в хор пенсионеров при Осинском доме культуры, где долго выступал солистом.

Моя мать, Надежда Никифоровна, была дочерью бригадира каменщиков. При строительстве одного из трех храмов города он сорвался с лесов и разбился — мать осталась одна. Она увлеклась стряпней: разные булочки, шаньги, хлебцы выпекала, а потом продавала на рынке. Отца она знала еще до того, как тот ушел в армию, — он ухаживал за ее старшей сестрой, а ей, тогда десятилетней девочке, поручал вызывать ее из дома. Когда она себя плохо вела, то ее пугали им: «Вот погоди, Панка (Павел) придет,

он все окна побьет и тебя вместе с ними!» Так случилось, бывало, он так делал. Конечно, он же безотцовщина! Раньше на каждой улице города был свой «клуб»: в более просторной избе собиралась молодежь, там пляска была, кадриль, песни пели. И очень не любили, когда с другой улицы кто-то приходил. Даже как бы райончики были: Ершовский район и другие. А если вдруг кому-то девчонка понравилась с другой улицы и он начинал туда ходить, его оттуда убирали. Он тогда собирал друзей, они шли туда, потом находили предлог, и начиналась потасовка! Но отец ходил смело, решительно: кулак у него был здоровый, и от него разбежались. Отец был среднего роста, но широкоплеч и могуч — он обладал удивительно большой силой. Но потом ему мстили: один раз, как отец рассказывал, встретили его, окружили с кольями... У него за пазухой были стальной прут и нож в кармане, но пока он разворачивался, ему как врезали по горбушке, и он упал. Потом, конечно, все разбежались, потому что лежачего не бьют. Но он знал, кто это был: парни не прятались, маски никто не надевал. Такую бойню они там потом устроили, били его обидчиков сильно!

Когда отец вернулся из армии, ему было 28, а матери 18 лет, ее старшая сестра уже вышла замуж и уехала в Томск. Тетка, у которой жил отец, подобрала ему богатую невесту. А ему мама понравилась: она была маленькая, шустрая, веселая, говорливая. Он сказал, что женится на ней, — высылайте сватов. Приехали, а мать наотрез отказывается. Вплоть до того, что пригрозила: «Удавься!», и даже приготовила веревку. Потом ее все-таки уговорили. И они прожили жизнь в мире и дружбе, родили 10 детей. Я не видел ни одной семьи, чтобы так дружно, так любезно прожили всю жизнь, как мои родители! Никогда не слышал, чтобы отец ругнулся на мать. Мать же могла на него шумнуть, и он беспрекословно подчинялся.

Мать любила чистоту, порядок, любила, чтобы у нее блестели полы. Она была большой выдумщицей, гадала на святки, колядовала. Помню, рядом жил дядя с женой. Эта полненькая женщина была чересчур любопытна: лю-

била и подслушать, и поболтать. И вот однажды мать оделась мужиком и подкараулила ее. Та выходит из дома, а мать повалила ее и имитирует изнасилование. Та потеряла сознание. Сразу забегали, позвали врача. Пока врач пришел, ей стало легче. Потом они с год не разговаривали, так она обиделась на мать. Вот такой был у мамы неумный характер: то цыганкой нарядится, пойдет гадать, то еще что-то учинит.

Она окончила 7 классов гимназии и была очень начитанна, знала литературу. Летом ей некогда с нами было заниматься, а зимой мы залезали на печку, и она нам читала сказки Пушкина, а позже «Евгения Онегина», стихи Лермонтова. Мы все произведения знали наизусть. Потом мы уже сами с малышами разучивали стихотворения, знания передавались «по наследству» между детьми. Мама приучила нас ходить в библиотеку. В городе были детская и взрослая библиотеки. Публика была очень читающая, очередь за книгами была всегда! Библиотекари были внимательные, начитанные, — они занимались просветительской деятельностью, могли посоветовать: «Почитай-те это или то». С 4-го класса я начал читать очень активно и очень много и где-то к 9—10-му классу прочитал все, что было: полное собрание сочинений иностранных и наших авторов. Помню, «Три мушкетера» мне дали на сутки, и я за сутки их прочитал. Тогда настольных ламп не было, только лампа с керосином и свеча. Когда на печке было свободно, я туда залезал и читал.

Частенько у нас жила слепая сказительница, которая ходила по домам. Ее кормили, поили, она спала в доме и рассказывала сказки о разных чудесах, о леших, русалках и прочей нечисти. Мы жались от страха, чуть где-то скрипнет, мы уже озираемся — так она нагоняла на нас страху. Один раз рассказала, что после третьего года нас нельзя ходить в баню, поскольку там черти моются. Первый жар — идут париться взрослые. Второй — идет молодежь. А в третий раз — мать ведет детей. Мы с братом решили: «Дай проверим!» Взяли ножи, пошли. Свечка горит, отражается в луже на полу, а нам кажется — глаза! Быст-

рей помылись и бежать! Никаких там чертей не было, никто за нами не гонялся, мы просто сами сдрейфили!

Как-то мне сказали, что «Вий» надо читать одному и после 12 часов ночи: вот тогда увидишь, как черти бегают, они тебя окружают. Я дождался 12 часов, когда все уже уснули, забрался на печку, взял книгу, лампу и начал читать. Такое большое произведение, я читал, читал — почти до утра. Полное разочарование, никаких чертей я не видел! После этого я понял, что никаких чертей нет, и уже ничего не боялся.

Отец, мне кажется, не принимал участия в процессе воспитания. Нравоучений он не читал, редко вмешивался в наши дела и шалости, был очень терпим к нам. Мы же, глядя на то, как он трудится с утра до вечера, каким уважением он пользуется у других, как он все делает добротнo, равнялись на него. У нас в семье не было лодырей, все работающие: девчонки помогали матери, мы — отцу. Родители приучали нас зимой убирать снег в огороде и на тротуаре вдоль дома и участка, прилегающего к нему. Летом — сажать овощи в огороде, пропалывать, окучивать картофель, ухаживать за птицей и живностью, которая у нас была, — курами, коровой. В городе почти у каждой семьи тогда была корова. Пастуху от каждого дома по очереди выделялись два помощника. Те, кто не мог выделить, просили кого-то и платили за работу 3 рубля. Я очень любил ходить подпаском — 3 рубля, бутылка молока и кусок хлеба. Меня это устраивало. Ночью сидишь, костер горит, скот спит, а утром его поднимаешь и гонишь, чтобы наелся, и уже сытым гонишь домой на дойку...

Мое детство выпало на годы становления Советского государства. Все земли в 1918 году были конфискованы у помещиков и церковников и разделены между крестьянами. Дележка, конечно, была не простой, крепкие мужики бились за хорошие угодья: они знали, где лучше пахать, где хорошая земля. А разные пьянчуги, лодыри, им какая разница, какую землю дадут? Они землю получили, но ее не обрабатывали, сдавали: это тогда называлось «испол». Надо сказать, люди истосковались за время войны по ра-

боте. Были, конечно, и те, кто начал пьянствовать или заниматься грабежом, но основная масса пошла работать. Так и после Великой Отечественной войны было...

Все фабрики были национализированы, все были переданы в руки народа. Мой дядя, матрос с крейсера «Аскольд» и коммунист с 1915 года, был выбран директором кожзавода, потому что он был честным, порядочным мужиком. В двадцатые годы бурно развилось предпринимательство, встали на ноги крепкие хозяева, которых потом стали называть «кулаками». Конечно, никакие это были не «кулаки», а самые работающие, одаренные люди. У них, как правило, была большая семья, по 10—15 человек детей, хорошее подворье, до десятка коров, 4—6 лошадей, свиньи. Мясо и зерно они продавали, деньги были, а если деньги есть, значит, строились. В деревнях их дома были самые мощные, красивые. Так и должно быть, потому что детей много, и нельзя жить в тесноте. При этом сами бытовые условия были крайне примитивными.

Вот взять нашу семью. Поначалу дом был крыт тесом, потом отец стал лучше зарабатывать и перекрыл крышу железом. При этом дома была убогая, примитивная, часто кустарная мебель: стол, стулья, лавки, голый пол, и никаких штор — только у людей с большим достатком на окнах висели занавески. Летом мы спали где придется — на сеновале, а то и просто на улице. Зимой младшие спали на полотах — на них не так жарко, как на печке. Мы, старшие, всегда спали на полу, вповалку, бросив какое-нибудь пальтишко под себя, другим накрывшись, положив валенок под голову. Одежда у нас была самая простая. Брат матери был портным, в нэп у них была своя мастерская, закройная и пошивочная. Она покупала материал, и нас обшивали ее родственники. Материал брали самый дешевенький, зато мы всегда были чисто и аккуратно одеты. Единственное, что я всегда был подвижным и шустрым, и мне одежды надолго не хватало. С обувью было трудней. Зимой валенки были одни на двоих: один гуляет, другой дома сидит, а начиная с весны и кончая осенью, мы бегали по улице босиком. В футбол играли тоже босиком.

Родительский дом

Пальцы себе разбивали. Настоящего-то мяча не было: сшивали камеру, тряпками набивали. Катится такой мяч плохо: ногой больше по земле попадаешь, чем по нему.

Помню, к 1 сентября мать собралась купить мне ботинки на осень. Я в это время прилично играл в футбол, поэтому умолял мать купить мне вместо ботинок бутсы (мы их называли «бутцы»). Мать упиралась, но устоять не смогла, сжалилась и купила бутсы. При этом она в сердцах бросила: «Ну и носи свои ботинки на шипах». Радости моей не было предела! Я берег это сокровище, ходил в бутсах всю осень в школу, играл в футбол, любовался, гордился ими и берег их как очень большую драгоценность. И потом, когда мои бутсы поистрепались, а шипы глубоко врезались в подошву, я продолжал терпеливо их носить.

Питались мы по-разному, в зависимости от времени года. Основная еда — овощи. Мясо было только осенью, когда шел забой скота. Мать ходила на рынок, выбирала, а дома делала пельмени. Делала она их много, замораживала, и потом по праздникам мы их ели. Это был самый

большой деликатес. Правда, мука была черная, ржаная, но все равно пельмени были вкуснейшие. Самый тяжелый период — это, конечно, весна. Картошка на исходе, она уже теряет свои качества, хотя хранение было хорошо налажено, капуста тоже вялая становится — есть нечего. Как только сошел снег, начинается сбор трав — крапива шла вместо капусты. Из нее делали похлебку, замешивая с мукой. Потом ягоды пошли, грибы. Летом еда была более разнообразная, но не жирная. Фактически летом мы жили «на подножном корму», — только хлеб мать пекла. Ловили рыбу, а в 12 лет мне дядя подарил берданку 16-го калибра. Вместо дробы использовали рубленую проволоку, а вместо пороха — счищенную с головок спичек селитру. Ружье я потом продал, а на вырученные деньги купил в магазине краковскую колбасу — помню, как делил ее на кусочки, растянув удовольствие на несколько дней. Кстати сказать, в магазинах, кроме нее и некоторых консервов, тоже ничего не было. Чай мы пили то малиновый, то свекольный. Редко мать нарубит каждому по кусочку сахара, и мы пьем его вприкуску. Сахар был для нас редкость, а конфет мы вообще никаких не ели.

Пока было ружье, каждый выходной я ходил или на утку, или на зайцев. Зимой я всегда упряжку делал: с вечера ловил на рынке пару-тройку бездомных собак, а утром запрягу их, а свою собаку Грауса (помесь сеттера и лайки) ставлю сзади и на них натравливаю. Он за ними летит, они от него — и несут меня. Потом я их отпускаю, а он со мной ходит. Те собаки в стороне, но нас сопровождают. Я как-то зайца подбил, мой бросился за ним, и эти голодные тоже. Поймали зайца и как начали его рвать! Я на лыжах за ними! Пока добежал, они зайца изодрали. Но я все равно его взял — семья у нас большая. Обратного меня уже только Граус тащит — тихонько, но тащит. Собака была исключительно сильная и умная. Два волка ее взять не могли! Дом-то был на окраине. Ночью просыпаемся от стука в дверь. Прислушались — визг собачьей драки. Отец пальцем оттаял немножко окно: «Волки!» Я схватил свою берданку, зарядил, отец схватил топор. Говорю: